4. *Пустовойт П.* Некоторые проблемы критики детской литературы // Детская литература, 1958 год. М.: Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1958. С. 77–99.

5. *Свирская И.* «…Или нам, мальчишкам, только в палки играть, да в скакалки скакать?..» // Дошкольное воспитание. 1965. № 9. С. 110–115.

6. *Цюрупа Э.* Друзья мои мальчишки. М.: Детская литература, 1987. 367 с.

7. Что читать дошкольникам: Рекомендательный список литературы для дошкольников. М.: Государственная республиканская детская библиотека РСФСР, 1980. 9 с.

REFERENCES

1. *Aleksin A.* Hochetsja perechitat'! (Zametki pisatelja) // Knigi detjam: Sbornik materialov v pomoshch' uchiteljam, bibliotekarjam i pionerskim vozhatym. M.: Detskaja literatura, 1964. S. 5–23.

2. *Bank N.* Shkola chelovechnosti // Neva. 1965. № 9. S. 174–179.

3. Berestov V. Cheloveku budushchih vremen. (O knigah dlja doshkol'nikov, izdannyh v 1960-1961 gg.) // Detskaja literatura–1962. Vyp. 2. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo detskoj literatury Ministerstva prosvewenija RSFSR, 1962. S. 3–49.

4. *Pustovojt P.* Nekotorye problemy kritiki detskoj literatury // Detskaja literatura 1958 god. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo detskoj literatury Ministerstva prosveshchenija RSFSR, 1958. S. 77–99.

5. *Svirskaja I.* «…Ili nam, mal'chishkam, tol'ko v palki igrat', da v skakalki skakat'?..» // Doshkol'noe vospitanie. 1965. № 9. S. 110–115.

6. Tsjurupa E. Druz'ja moi mal'chishki. M.: Detskaja literatura, 1987. 367 s.

7. Chto chitat' doshkol'nikam: Rekomendatel'nyj spisok literatury dlja doshkol'nikov. M.: Gosudarstvennaja respublikanskaja detskaja biblioteka RSFSR, 1980. 9 s.

Ю. О. Поспелова

КОМПОЗИЦИОННО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Раскрывается текстообразующая роль сложноподчиненных предложений с придаточными времени — одной из композиционно-синтаксических доминант текста. Данные предложения рассматриваются не только как структурно-семантическое единство, но (вслед за С. Г. Ильенко) прежде всего — как коммуникативно-структурное единство, обладающее большим текстообразующим потенциалом. Анализируется своеобразие их функционирования в разных персонажных зонах романа, способность к порождению синкретизма семантики и контаминации как с другими типами придаточных предложений, так и с лексико-грамматическими средствами выражения темпоральности.

Ключевые слова: композиционно-синтаксическая организация текста, функционирование, образ автора, персонаж.

Yu. Pospelova

COMPOSITION AND SYNTACTICAL SPECIFICITY OF COMPOUND SENTENCES WITH SUBORDINATE CLAUSES OF TIME IN LEO TOLSTOY'S «WAR AND PEACE»

The article deals with the text formation role of compound sentences with subordinate clauses of time – one of the compositional syntax dominants of the text. These sentences are discussed not only as structural and semantic unities, but primarily, as suggested by S.G. Ilienko, as communicative and structural unities with a great text formation potential. The specificity of their functions in different areas the novel's characters are analyzed, as well as their capacity

for generating the syncretism and the semantics of contamination with other types of subordinate clauses and with the lexical and grammatical means of expressing temporality.

Keywords: compositional and syntactic organization of the text, the image of the author, character.

В романе «Война и мир» воплотилось индивидуальное видение времени Л. Н. Толстого. Изображение времени отражает не только мастерство Толстого как художника, но и его личный опыт познания жизни в ее самых разнообразных проявлениях. Время в романе Толстого — это время проживаемое, «время жизни».

По мнению Е. С. Яковлевой, «время жизни» — одна из основных «форм постижения» окружающего мира. «Если язык описания грамматического времени абстрактен, то понятия, в которых описывается «время жизни», апеллируют к человеку, являют собой некую «наивную философию» времени. Осознание «времени жизни» происходит по событиям, его заполняющим, а не по каким-либо физическим параметрам» [7, с. 85–86].

Время «Войны и мира» — это время, «когда разорвутся все те условные отношения жизни, которым привыкли покоряться» (здесь и далее цитаты приводятся по изданию: *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений: В 12 т. М.: Правда, 1987. Т. 3–6). Пьер Безухов, рассказывая Наташе и княжне Марье о плене, выражает одну из ключевых идей романа: «Мы думаем, что, как нас выкинет из привычной дорожки, все пропало, а тут только начинается новое, хорошее».

Текст «Войны и мира» имеет сложное строение, образующее внутренние связи и имеющее композиционный смысл. Временная доминанта играет важнейшую роль в формировании текста романа как эстетического целого. Она определяет все уровни его организации — от грамматического грунта до монтажной техники композиции [3, с. 68]. Для Толстого важно остановить мгновение, и в этом «стоп-кадре» разглядеть самому и показать читателю все то, что при обычном движении времени остается незамеченным.

В романе «Война и мир» время представлено разнообразными способами: формами глагольных времен и различными лексическими маркерами с темпоральным значением, строением предложений и целой текстовой организацией.

В романе изображено течение художественного времени, что обнаруживается на синтаксическом, морфологическом и лексическом уровнях. Последнее подтверждается частотностью лексики с временной семантикой: лексема *время* (во всех падежных формах) встречается 956 раз (для сравнения: другие, значимые для Толстого лексемы-концепты встречаются менее часто: *жизнь* — 617, *душа* — 275, *война* — 252, *любовь* — 242, *мир* — 201, *семья* — 48 употреблений).

Несмотря на множество имеющихся исследований, посвященных синтаксису произведений Л.Н. Толстого, проблема композиционно-синтаксических доминант в идиостиле автора до сих пор остается малоизученной. Обращение к этой проблеме требует уточнения подхода к анализу синтаксических единиц в тексте. В работах С. Г. Ильенко [1; 2] подчеркивается необходимость понимания сложноподчиненных предложений (СПП) не только как структурно-семантического, но и как коммуникативно-структурного единства. При таком подходе текстообразующая роль СПП предстает следующим образом: они «вплетаются» в композицию, направляют ход времени в тексте, раскрывают авторский замысел, организуют взаимодействие автора, читателя и персонажа. Представление об этом взаимодействии особенно актуально по отношению к толстовскому тексту: оно гар-

монирует с его стилем, отвечает замыслу романа.

СПП с придаточными времени — одна из композиционно-синтаксических доминант текста, которая является «движущей силой» в развертывании как отдельных текстовых фрагментов, так и текста романа в целом, что требует выявления пресуппозиционных смыслов, которые создают коммуникативно-структурное единство этих предложений, определяют их семантику и текстообразующую роль.

Сквозь призму этого типа СПП можно проникнуть глубже в текстовую ткань романа, раскрыть его замысел. Эти предложения играют большую роль в выражении текстовых категорий — таких, как связность, членимость и др. Они способны передавать фактуальную, концептуальную, подтекстовую информацию к созданию модальности текста.

В романе СПП с временной придаточной частью настроены на особый диалог с читателем. В зависимости от авторского замысла они по-разному выражают идею времени: сопрягая, остраняя, сопоставляя и противопоставляя образы героев и события в романе. Они динамизируют время в романе, то ускоряя, то замедляя его.

Обращение к тексту убеждает не просто в частотности использования придаточных времени в романе, но в том, что они имеют разный «радиус» действия [2, с. 353], способны порождать синкретичность семантики, по-разному контаминируются и с другими придаточными, и со средствами выражения темпоральности, актуализируют другие способы выражения времени.

Семантика времени рассматриваемых СПП намечает разные траектории развертывания их коммуникативного потенциала. Но «чтобы предложение могло выполнить коммуникативную функцию, оно должно быть приспособлено, во-первых, для выражения фрагмента действительности… Во-вторых, оно должно предстать как реализация механизма мыслительного «вторжения» в это отражение положения дел. В-третьих, оно должно быть приспособлено к самому процессу коммуникации — адресованности…» [1, с.9]. Художественная целенаправленность временных СПП в романе заключается в описании фрагмента действительности, который осмыслен в параметрах категории времени.

Многоплановость семантики СПП с придаточным времени отличает эти предложения от других объемностью заложенной в ней информации, вариативностью интерпретации, а также сложным переплетением временных отношений как между собой, так и с отношениями обусловленности.

В тексте романа частотно сопряжены временное значение с уступительным и условным, что придает предложению дополнительный, третий смысл и актуализирует в тексте сложность оттенков сопрягающихся значений. Появление придаточного времени в таких контекстах является сигналом актуализации временных отношений разного характера, например, контаминации временного и условного значений:

«Ведь он знает, что значит для меня этот проигрыш. Не может же он желать моей погибели? Ведь он друг был мне. Ведь я его любил... Но и он не виноват; что ж ему делать, ***когда*** *ему везет счастие?*

— Ты видишь ли, дг'уг, — сказал он. — Мы спим, ***пока*** *не любим. Мы дети пг'аха... а полюбил — и ты Бог, ты чист, как в пег'вый день создания...»*

В сопряжении с другими высказываниями придаточные времени приобретают дополнительное значение в контексте, «бросая тень» на предшествующие и последующие высказывания. Во многих случаях «обращение к прошлому, сцепление двух совершенно разнохарактерных звеньев раскрывает в них некоторую общую закономерность, некоторое единство» [6, с. 170]. Все это способствует развертыванию сюжетных линий, расходящихся и сходящихся вновь. Временные придаточные части, проникающие внутрь главного предложения и друг в

друга, «составляют новый этап связывания во времени и <…> расчленения сложного потока жизни» [6, с. 165].

Время «живет» по-разному в частях романа, оно изменяется и развивается по законам толстовской поэтики, «диалектики души». Включая в зоны персонажей временные лексемы, союзы и союзные слова (*когда, пока, в то время как* и др.), Толстой характеризует время жизни героя в данный период. Так, в персонажной зоне Наташи Ростовой, когда описывается ее юность и период влюбленности в князя Андрея, временные маркеры встречаются очень часто, в период увлеченности Анатолем и разрыва с князем Андреем этих маркеров значительно меньше.

В фрагментах, посвященных князю Андрею, мы находим большое количество (около двухсот) предложений с временной придаточной частью. В этих предложениях актуализированы разные оттенки их семантики сложноподчиненных предложений (временные, условные, уступительные), сопрягаются разные события, ситуации, характеры, мысли и действия персонажей. Нередко эти отношения выражаются союзом «в то время как», актуализирующим сопоставительную семантику.

В то время как князь Андрей ходил докладывать про багрового генерала, генерал этот, видимо, не разделявший понятий Бориса о выгодах неписаной субординации, так уперся глазами в дерзкого прапорщика, помешавшего ему договорить с адъютантом, что Борису стало неловко.

Композиционно-синтаксическая связь в таких случаях «усиливает как смысловую связь, так и смысловой контраст сложной авторской мысли» [6, с. 170].

В персонажной зоне князя Андрея анализируемые предложения выполняют, как правило, композиционную функцию, вводя нас в ситуацию.

Когда князь Андрей вошел, княжна и княгиня, только раз на короткое время видевшиеся во время свадьбы князя Андрея, обхватившись руками, крепко прижимались губами к тем местам, на которые попали в первую минуту.

СПП с придаточными времени оказываются, как правило, в начале фрагментов, выражающих рефлексию князя Андрея: он размышляет, испытывает разные, подчас противоречивые чувства. В интерпозиции текстового фрагмента появление придаточных времени связано с изменением точки зрения героя на происходящее.

Предикаты движения в данных предложениях являются показателями границ текстовых ситуаций, изображающих художественное пространство. Сопряжение художественного пространства и времени играет большую роль в динамике сюжетного развития.

Рассматриваемые СПП участвуют не только в изображении действий и мыслей героев, их речи, но также в описании того, что находится на уровне их подсознания.

В изображении персонажей Л. Н. Толстой использует прием создания разнонаправленности смыслов, что достигается за счет «многослойности» предложений, сопряжения в одном предложении целого ряда событий.

В то время *как у Ростовых танцевали в зале шестой англез под звуки от усталости фальшививших музыкантов, и усталые официанты и повара готовили ужин, с графом Безуховым сделался шестой удар.*

В данном СПП с временной придаточной частью союзом *в то время как* сопрягаются два события, первое из которых олицетворяет жизнь, второе — смерть. Антиномия жизни и смерти — одна из ключевых идей романа. Но не менее важно для Толстого то, какая это жизнь — естественная ли жизнь простых людей или жизнь светского общества, которая лишена динамики: она статична, не несет никому добра. Мастерство Толстого как художника проявляется на страницах романа, в частности, в полноте изображения жизни в эпизодах: переходы с одного на другое не образуют «мелькания»

происшествий. Напротив, «связь с целым только раскрывает смысл каждого изображаемого события» [6, с.72].

Время персонажа изображается как субъективный процесс.

И тотчас же ему пришла в голову мысль, что данное слово ничего не значит, потому что еще ***прежде, чем*** *князю Андрею, он дал также князю Анатолю слово быть у него; наконец, он подумал, что все эти честные слова — такие условные вещи, не имеющие никакого определенного смысла, особенно ежели сообразить, что, может быть, завтра же или он умрет или случится с ним что-нибудь такое необыкновенное, что не будет уже ни честного, ни бесчестного.*

Время представлено здесь на уровне внутренней речи персонажа, его размышлений о том, как следует поступить. Союзом *прежде чем* выделяется то, что оказалось важнее для Пьера в ту минуту, когда он не знал, как поступить.

В развитии событий романа и жизни героев перед нами всегда — движение времени. Например, в главах, описывающих пребывание Пьера в опустевшей Москве, рассказ прерывается семь раз. Промежутки заполнены изображением множества других событий: сборы Ростовых, уезжающих из Москвы, вступление французов, встреча Наташи с раненым Андреем, смерть Элен, сближение Николая с княжной Марьей, смерть князя Андрея, развитие военных действий после занятия французами Москвы и бегства французской армии и многое другое. Постоянное взаимное пересечение и связь разнородных событий способствуют сложному и разноаспектному изображению художественного времени в романе.

Благодаря синтаксической связи, которую А.В. Чичерин назвал «одной из тех бесчисленных и тонких нитей, которые образуют единство всего романа», мы можем видеть, как «прошлое постоянно просвечивает в настоящем благодаря динамическому характеру каждой клеточки, входящей в состав литературного образа» [6, с. 31]. Для глубокого восприятия текста «Войны и мира» очень важно «схватывать цельность диалектически связанных и в то же время внутренне разобщенных сложноподчиненных предложений, идея которых — во внутреннем и взаимном противодействии их частей» [6, с. 31].

В последний год жизни Л. Н. Толстой писал Н. Н. Страхову о неправильности отыскивания отдельных мыслей в художественном произведении — в том «бесконечном лабиринте сцеплений, в котором состоит сущность искусства», по тем законам, которые служат основанием этих сцеплений: «Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собой для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна и без того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами нельзя, а можно только посредственно словами, описывая образы, действия, положения...» [4].

Основная текстообразующая роль данных СПП состоит в членении временного континуума и организации темпорально упорядоченной речи. Мы постоянно чувствуем его ход, можем увидеть, как «через весь роман тянутся нити, которые связывают между собой его части, как артерии и нервы связывают в одно целое человеческое тело, и это делает еще более осязаемым движение времени» [6, с. 71].

Таким образом, СПП с придаточными времени играют значительную роль в целостной текстовой организации и в создании образов романа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ильенко С. Г.* Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка: Учебное пособие для вузов. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009.
2. *Ильенко С. Г.* Русистика: Избранные труды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.
3. *Мартьянова И. А.* Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности. Монография. СПб.: САГА, 2001.
4. *Толстой Л. Н.* Дневники и записные книжки // Полное собрание сочинений. Сер. 2. М., 1910.
5. *Тураева З. Я.* Лингвистика текста. (Текст: структура и семантика). М., 1986.
6. *Чичерин А. В.* Возникновение романа-эпопеи. 2-е. изд. М.: Советский писатель, 1975.
7. *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

REFERENCES

1. *Il'enko S. G.* Kommunikativno-strukturnyj sintaksis sovremennogo russkogo jazyka: Uchebnoe posobie dlja vuzov. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2009.
2. *Il'enko S. G.* Rusistika: Izbrannye trudy. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2003.
3. *Mart'janova I. A.* Kinovek russkogo teksta: paradoks literaturnoj kinematografichnosti. Monografija. SPb.: SAGA, 2001.
4. *Tolstoj L. N.* Dnevniki i zapisnye knizhki // Polnoe sobranie sochinenij. Ser. 2. M., 1910.
5. *Turaeva Z. Ja.* Lingvistika teksta (Tekst: struktura i semantika). M., 1986.
6. *Chicherin A. V.* Vozniknovenie romana-jepopei. 2-e. izd. M.: Sovetskij pisatel', 1975.
7. *Jakovleva E. S.* Fragmenty russkoj jazykovoj kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vosprijatija). M., 1994.

А. И. Темирболатова

СТРАНИЦЫ КАВКАЗОВЕДЕНИЯ 1-Й ПОЛОВИНЫ XX века [по материалам редкого архивного фонда 1260 Государственного архива Ставропольского края (ГАСК)]

Статья посвящена изучению языкового строительства на Северном Кавказе в первой половине XX века, деятельности Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С.М. Кирова, работа которого была направлена на изучение языков и культур народов Кавказа.

Ключевые слова: языковое строительство, Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт.

A. Temirbolatova

CAUCASIAN STUDIES IN THE 1ST HALF OF THE XXTH CENTURY (based on the materials of rare archival fund 1260 SASR)

Article regards language construction in the North Caucasus during the first half of XX-th century, the activities of North Caucasian Mountain History and Linguistics Research Institute named after C.M. Kirov which conducted research on the languages and cultures of the people of the Caucasus.